

ВВЕДЕНИЕ

ЕСЛИ попытаться выделить самые характерные черты этнической идентичности современных удин, то первыми двумя из них, безусловно, будут представление об автохтонности и очень своеобразный язык — постоянный барьер, как бы отделяющий удин от внешнего экспансивного мира. Нет ничего удивительного в том, что данная часть задуманного нами сводного описания этой культуры посвящается, во-первых, именно прошлому, которое неким пунктиром уходит в кавказско-албанскую эпоху, а также, во-вторых, современному удинскому языку, являющемуся главным подтверждением того, что эта пунктирная связь — не просто плод реконструкций специалистов. При всем при этом историческая память удин, на народном, фольклорном уровне, вряд ли сохранила бы какие-нибудь свидетельства о кавказско-албанском прошлом, если бы не мощное влияние со стороны почти двухсотлетней литературной традиции удинского краеведения.

Предваряем публикацию материалов данного раздела краткой справкой.

Удины (в форме “утии”) впервые упоминаются Геродотом (V в. до н. э.) дважды: при перечислении податного населения XIV сатрапии (кн. III, № 93), в которую входили Дрангиана и Кармания — земли внутреннего Ирана, и при описании персидского войска, уже среди кавказских народов (кн. VII, № 68).

Более поздними греко-римскими авторами (Апполоний Родосский, Полибий, Страбон и др.) утии обычно локализуются в северо-западном Прикаспии, но всегда севернее реки Куры.

Плиний Старший (I в. н. э.) называет утиев скифским племенем и упоминает также т. н. утидорсов (аорсы-сарматы, вероятно, смешанное племя). В связи с этим вероятен дрейф этнонима или более сложные этногенетические процессы (например, оседание какого-либо ираноязычного или, что менее вероятно, угрофинского народа, и восприятие им языка местного кавказского населения).

Соседями древних утиев (утийцев, населения Отены-Утика) были албаны (албанцы, агваны), первоначальная территория которых, согласно тем же и другим греко-римским источникам II в.

до н. э. — II в. н. э. была в междуречье Куры и Аракса. В разное время в их состав также вливались разноплеменные группы, преимущественно ираноязычные (Страбон насчитывает в Албании 26 отдельных народностей со своими языками). Во II пол. I тыс. до н. э. на территории Албании возникают городские центры (ялойлутепинская культура), ко II в. до н. э. объединившиеся под властью одного царя.

Более поздние (средневековые) армянские источники, например, “Ашхарацуйц”, помещают область расселения утиев — наханг Утик, состоящий из восьми гаваров или районов (Гардаман, Тус-катак, Шакашен, Арданрот, Ути арандзнак, Рот-и-базкан, Агуэн и Три) уже южнее реки Куры. Севернее Куры был расположен Агванк (Алуанк), т. е. Албания с центром в Кабалаке — ныне с. Чухур-Кабала Куткашенского (Кабалинского района).

Утик вошел в состав Армении при Арташесе I (189 — 160 гг. до н. э.). Агванк оставался независимым. После раздела Армении между Римом и Ираном (387 г. н. э.) Утик (а также Арцах и часть Пайтакарана) был присоединен к Агванку, из которых образовалось особое персидское марзпанство (наместничество). С этих пор утвердилось расширенное понимание Кавказской Албании (парф., араб. Арран, груз. Эр-Ран), включающей большую часть территории современной республики Азербайджан.

До 510 г. н. э. в Албании сохранялась царская власть (местная ветвь парфянской династии — Аршакидов, которые правили и в Армении: Вачаган I, Ваче, Урнаир, Иавчаган, Мерхаван, Сато, Асай, Есвален, Ваче, Вачаган III), после упразднения которой правили персидские марзпаны (наместники) и албанские князья Мхраниды, признавшие верховенство Сасанидского Ирана.

В VI — VII вв. Утик в значительной степени был уже арменизирован. В начале VIII в. территория Албании — Аррана подпадает под власть арабов (в 705 г. занимает г. Партав), начинается активный процесс мусульманизации коренного населения Кавказской Албании и, возможно, сокращение его численности. Правда в 866 г. албанский князь Хамама предпринимает кратковременную попытку восстановления Албанского царства. Начиная с XI в. активно идет тюркизации местного населения. Это связано прежде всего с массовым переселением сюда тюрков-огузов.

Ко времени прихода русских на Кавказ села с населением, сохранившим удинский язык, называвшим себя “уди” (удинами) и возводящим себя к древним утиям (или агванам), были сконцентрированы в основном в пределах Шекинского ханства (Варташен,

Нидж, Мирзабейли, Бум, Султаннуха и др.). Эти села расположены на территории древнего Агванка. Кроме того, отдельные села с населением, которое унаследовало язык древних утиев и элементы исторической памяти, сохранялись на землях древнего Утика (Кырзан в современном Таузском районе) и, вероятно, даже Арцаха (по сведениям Ж. Кечаари – Сейсулла, Гасанкала в Карабахе).

Вообще вопрос о развитии этнической идентичности современных удин и окружающего их тюркоязычного элемента весьма сложен. Мы вернемся к нему в следующем выпуске “*Studia Pontocaucaasica*”, посвященном этнографии современных удин. Культуры этнических групп, живших в этой части Кавказа, как и повсюду в регионе, напоминают скорее слоеный пирог, где то там, то здесь проступает какой-нибудь очень древний субстрат, и лишь самый верхний слой обычно связан напрямую с той переселенческой волной, которая оставила нам язык или этническое самосознание. В этом смысле, этногенез всех групп, проживавших недавно в трех северо-западных районах Азербайджана (Шекинско-го, Огузского, Кабалинского), за исключением, пожалуй, только самых поздних переселенцев, например, персидских армян, русских сектантов или турок-мехетинцев (поселились в Огузе после армяно-азербайджанского конфликта), имеет очень глубокие корни.

Конфессиональная принадлежность, которая часто вообще подменяет этничность, играет исключительную роль в качестве очень важного фактора самосознания. Самоидентификация современных удин на ее основе строится в соответствии со следующей парадигмой: “ислам / христианство (армяно-григорианство / православие)”. Причем “этническим”, по мнению большинства современных удин, как варташенцев, так и ниджцев, является именно последнее, т. е. православие.

В силу особой значимости религиозной идеологии, ее влияние (в виде запретов, ценностных ориентаций, трансформаций текста культуры и их еле ощутимых рефлексий) ощущается практически во всех сферах культуры. Удины очень напоминают этноконфессиональную общность, традиционно выделяемую в нашей этнографической литературе. Но надо помнить, что своя особая конфессия для них величина не постоянная. Были целые периоды когда они не фактически, а лишь номинально выделялись этим признаком на фоне соседей. В “предконтактный” период (до прихода на Кавказ русских) удины, видимо, вообще имели очень смутные представления о христианстве.

Распространение христианства на территории Утика традиция связывает с событиями II в. н. э., когда апостол Елисей (Египсе) рукоположенный апостолом Иаковом — первым иерусалимским патриархом, построил церковь в Гисе. Две последующие церкви — в гаваре Амарас и г. Цри (Утик) — заложили соответственно св. Григорий Армянский (Просветитель) и его внук Григорис, рукоположенный епископом по настоянию агванского царя Урнаира (на этом основаны дальнейшие притязания Армянской церкви на роль старшей по отношению к албанской; албанская традиция, видимо, напротив подчеркивала собственную первопрестольность).

Ко времени Агуэнского собора (488 г. или 493 г.), созванного агванским царем Вачаганом III Благочестивым, местная церковь имела уже своего архиепископа (резиденция г. Партав-Бердаа) и восемь епархий (Партавская, Кабалинская, Гардманская, Шакинская, Пайтакаранская, Амарасская и др.).

Находясь под идейным влиянием соседей, Албанская церковь выступила против Халкидонского собора. На Вагаршапатском (491 г.) и Двинском (527 г.) соборах, осудивших одновременно Халкидонский собор, Нестория и Евтихия, и утвердивших армянское исповедание, присутствовали также агваны. Халкидониты объявили армян и их союзников, в том числе агван, монофиситами, те же расценили Халкидонский собор как возврат к несторианству.

Когда в 590 г. Византийский император Маврикий учредил на своей территории альтернативный халкидонитский католикосат для армян, Албанская церковь приостановила отношения с расколовшейся "отступившей" Армянской церковью. Глава Албанской церкви стал рукополагаться на месте (учреждение католикосата), кроме того к рукоположению от Албанского католикоса переходит Сюник, бывший под юрисдикцией Армянской церкви. Во время греко-армянских споров о неполных девяти чинах иерархии Армянской церкви предложили считать своего католикоса патриархом, агванского — архиепископом, грузинского — митрополитом; оба последних оспорили это.

Неудачная попытка перейти в халкидонитство была предпринята при агванском католикосе Нерсэсе Бакуре (688 — 704 гг.), после низложения которого Албанская церковь потеряла автокефалию и вошла в состав Армянской (агванский католикос рукополагался армянским).

Формально Агванский католикосат (резиденция в Гандзасаре, Нагорный Карабах) просуществовал до сер. XIX в., затем был

упразднен, а соответствующие приходы Албанской церкви переподчинялись непосредственно Эчмиадзинскому католикосату (Адербеджанская и Арцахская епархии).

Окончательный переход западных групп предков современных удин в православие (халкидонитство), видимо, начался в XI — XIII вв., в связи с активизацией Грузинской православной церкви в регионе. В прошлом веке у удин, по сведениям Шифнера (Schiefner 1863), сохранялось предание о деятельности среди них в первой половине XV в. грузинского проповедника Иоанна.

По одной версии, православным удином Петром Силиковым в окрестностях Варташена был построен монастырь Егиш Аракел (Апостола Елисея), который затем перешел под юрисдикцию Армянской церкви. После вхождения Закавказья в Россию “восстановление” православия в регионе стало одной из задач официальной политики (специальная комиссия в Тифлисе, православные миссионеры — удины И. Бежанов и др., открытие православной церкви св. Александра Невского в 1822 г. в Варташене).

Христианские приходы Албании (Аррана) начинают переживать глубокий кризис после VIII в., в связи с общей мусульманизацией региона. Ал-Истахри (середина X в.) упоминает о соборной мечети в Барда, ал-Мукаддаси (вторая половина X в.) — о мечети в Кабале. В это время в Шаки (Шеки) большую часть населения составляют еще христиане, но уже имеется соборная мечеть. Это подчеркивает также и Масуди (X в.). Доля христианского населения постоянно сокращается. Шекинское ханство к моменту вхождения его в Россию было уже в основном мусульманским.

После кратковременного подъема в период владычества русских, общая тенденция падения влияния христианства возобновилась. В середине 30-х гг. XX в. на территории проживания удин в Советском Азербайджане были закрыты церкви (в начале 30-х гг. в Варташене их было две — армянская и православная, в Нидже было четыре церкви — в мехелле Фалчюли, Дарамяхля, Пюцюли и Коджабялли). После этого удины-армяно-григориане продолжали ходить в церковь соседнего с Варташеном армянского села Джалут, удины-православные отмечали основные праздники, и в особенности местный храмовый, у монастыря Егиш Аракел (Кала Гергец). Ныне православная церковь Варташена превращена в музей, здания армянской церкви и упомянутого монастыря также сохраняются. В Нидже сохранилось три здания недействующих

церквей, четвертая (в мехелле Пюцюли) была разрушена (или не достроена) еще в советский период.

После исследований А. Шанидзе, Ж. Дюмезиля и других принято считать язык сохранившихся памятников агванского (кавказско-албанского) письма — староудинским (утийским). (Мы принимаем этот термин, чтобы подчеркнуть отличия данного (мертвого) языка от новоудинского или современного удинского языка, которому будет посвящена вторая часть выпуска.) Неудивительно, что язык населения Утика служившего проводником влияния христианского культурного мира, в какой-то момент стал общепотребительным среди других народов Кавказский Албании. Реже с агванским сближают современный цахурский и другие языки лезгинской группы, распространенные на территории современного Азербайджана (Бокарев 1961, Ибрагимов 1963).

Согласно традиции (Корюн, Мовсэс Каланкатуйский), около 430 г. н. э. для агванского языка была создана письменность Месропом Маштоцем (святой, изобретатель армянского алфавита), в летописи упоминаются книги, письменные доски, выполненные этим письмом, предание их огню хазарами в VII в. и т. д.

В 1937 г. И. В. Абуладзе нашел агванский алфавит (52 буквы, многие напоминают армянские и грузинские-хуцури) в армянской рукописи XV в. (Матенадаран, Эчмиадзинский фонд, № 7117). В 1948 — 1952 гг. во время раскопок в Мингечауре было сделано еще несколько эпиграфических находок. В 1956 г. А. Курдиан (США) открыл второй экземпляр алфавита (переписанный в XVI в.).

Агванскими часто объявляются плохо читаемые армянские эпиграфические памятники (Алиев 1981 и др.). В действительности их до сих пор найдено не более 7 — 8 (письмо раздельное, написание слева направо, вокалическое). Все памятники относятся к V — VIII вв.

С VIII в. в связи с конфессиональными, политическими и культурными изменениями (слияние с Армянской церковью и т. д.) письменным языком и языком культа утийцев-удин становится армянский. В дальнейшем в ряде случаев это привело к полной языковой ассимиляции и переходу даже населения в массе с удинского на армянский (например, возможно, в Арцахе) или прочного установления армянско-удинского двуязычия (как в селе Кырзан). Часть предков удин, впоследствии перешедшая в православие, широко использовала грузинский. В ряде случаев это также повлекло полную языковую ассимиляцию. Появление одного из гру-

зинских диалектов ингилойского, в котором выделяется удинский субстрат, иногда рассматривают как продукт перехода православных удин на грузинский (Джангидзе 1978).

По всем ключевым вопросам, связанным с историей Кавказской Албании, существуют принципиальные разногласия между азербайджанскими и армянскими учеными. В Азербайджане склонны подчеркивать относительно длительный период независимого существования албанской государственности, расширенно трактовать ее политические границы (иногда включая Арцах и Сюник), говорить о завершенности формирования албанской этнической общности (“этноса”, “народа”), игнорировать высокую степень воздействия на нее армянской культуры (хотя в отношении коренной части армянского населения Нагорного Карабаха – древнего Арцаха, наоборот подчеркиваются “албанские корни”) (Бунятов 1965; Мамедов 1977; Мамедова 1977, 1986; Сумбатзаде 1990 и др.). В Армении, напротив, часто даже отрицается сам факт существования агван, Кавказской Албании, как единого целого, или во всяком случае, утверждается очень ранняя их арменизация; утверждается также, что Утик (и тем более Арцах) – исконно армянские территории (Акопян 1987; Арутюнян 1987; Свзян 1987; Мушегян 1989 и др.). Строго говоря, этот спор выходит за рамки науки, хотя соответствующие публикации внешне имеют академический характер.

С целью дать читателю углубленное представление об основных вопросах истории Кавказской Албании, дебатированных в науке, мы публикуем две работы (точнее одну и фрагмент второй). Обе они принадлежат перу Камиллы Васильевны Тревер. Несмотря на свой “почтенный возраст”, по нашему убеждению, они до сих сохраняют научную ценность, как сочинения, выполненные в лучших традициях нашей академической школы. Первая из них – “К вопросу о культуре Кавказской Албании” (Тревер 1960, 1 – 11). Она представляет собой доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. В этом докладе исследовательница сжато изложила материал, до этого послуживший основой ее фундаментальной монографии “Очерки по истории и культуре кавказской Албании IV до н. э. – VII в. н. э.”. Посути доклад – резюме достижений К. В. Тревер, изложенных в монографии. Естественно, из-за лимита объема мы не можем воспроизвести здесь весь текст последней и ограничиваемся ее первым вводным разделом,

где дается самый лучший, на сегодняшний день, обзор источников и литературы по Кавказской Албании (Тревер 1959, 7 – 40).

Из источников, имеющих отношение к тематике этого раздела, в том числе тех из них, которые разбирает К. В. Тревер, мы публикуем наиболее важные. Первоначально планировалось привести лишь фрагменты из “Истории” Мовсэса Каланкатуаци (Канганкатуаци) – главного источника по истории средневековой Кавказской Албании – фрагменты, касающиеся Албанского католикосата, в том числе каноны, постановления соборов, послания, включенные в “Историю” ее автором или составителем (Мовсэс Каланкатуаци 1984, 57 – 60, 72 – 74, 136 – 141, 147 – 149, 150 – 153, 153 – 156). (Источниковедческий анализ этого памятника вы можете найти во второй, публикуемой нами, работе К. В. Тревер.) Однако учитывая дружеские пожелания Ж. Кочарли-Кечаари (Ж. А. Кочаряна), председателя Центра удинской культуры “Орайин”, мы сочли возможным привести здесь также подборку фрагментов различных арабских источников, непосредственно касающихся Кавказской Албании. Эти фрагменты являются извлечениями из книг Ибн Русты, ал-Мукаддаси, Масуди и Ибн Хаукаля в переводе Н. А. Караулова, которые публиковались в нескольких выпусках “Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа” (Сведения арабских писателей о Кавказе 1901—1903, 1909), а сейчас безусловно являются библиографической редкостью и труднодоступны для массового читателя.

Как и другие вопросы истории Кавказской Албании, конфессия, доминировавшая среди агван и утийцев, также вызывает споры армянских и азербайджанских ученых. Первые обычно вообще игнорируют самостоятельность Албанского католикосата и отчетливую роль раннесредневековых агван в распространении христианства в Восточном Закавказье, рассматривая церковь последних просто как неотъемлемую часть Армянской церкви (см. упомянутые выше и некоторые другие критические работы). Вторые стремятся напротив подчеркнуть: во-первых, первопрестольность и долгий период автокефалии Албанского католикосата, во-вторых, догматические и культовые отличия албанского христианства от армянского (преувеличивая при этом роль, которую здесь играло православие), в-третьих, экспансивный (ассимиляторский) характер влияния Армянской церкви (кроме прочих, Геюшев 1984). Публикуемые нами фрагменты из “Истории” Мовсэса Каланкатуаци послужат иллюстрацией процессов, которые шли в церковной жизни Кавказской Албании.

На фоне других проблем кавказско-албанской истории, с которыми связаны бурные споры чисто идеологического характера, тема агванской (кавказско-албанской) письменности – счастливый оазис. Редкое исключение – необоснованная попытка Н. И. Ризаева увидеть здесь продолжение традиций тюркского рунического письма (Ризаев 1964). Вопросами изучения и дешифровки этой письменности занималось несколько поколений отечественных (Абуладзе 1938, Шанидзе 1938, 1957, 1959, 1960; Гукасян 1962; Абрамян 1964; Климов 1967, 1970, 1972; Муравьев 1981 и др.) и зарубежных (Karamianz 1886, Dumézil 1940-1941, Kurdian 1956, Newsen 1964 и др.) исследователей. Однако мы сочли возможным не публиковать их работы – соответствующие извлечения из всех источников, равно как подробные сведения по истории изучения агванского письма, различные интерпретации содержания сохранившихся его памятников, а также современный взгляд на проблему агванского алфавита приводятся в статье И. В. Кузнецова “Заметки к изучению агванского (кавказско-албанского) письма (I.—III.)”.

Источники и материалы, публикуемые в первом разделе выпуска, воспроизводятся по тексту следующих изданий:

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре кавказской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э. М.-Л., 1959. Источники и литература. С. 7 – 40.

Тревер К. В. К вопросу о культуре Кавказской Албании // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960. С. 1 – 11.

Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм. яз., предисл. и коммент. Ш. В. Смбатяна. Сличение с крит. текстом и ред. С. А. Авакяна. Ереван, 1984. С. 57 – 60, 72 – 74, 136 – 141, 147 – 149, 150 – 153, 153 – 156.

Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане / Пер. с араб. яз. Н. А. Караулова // СМОМПК. 1901. Вып. 29. 1902. Вып. 31. 1903. Вып. 32. С. 49. 1909. Вып. 38. С. 5-7, 9-17, 36, 41 – 43, 51 – 53, 57 – 58, 80, 81, 86, 92 – 94, 97, 99, 100, 105, 114.

Кузнецов И. В. Заметки к изучению агванского (кавказско-албанского) письма (I.—III.) (публикуется впервые).

Составитель